

Многовекторность, американские колебания и китайский вызов в индийских стратегических дебатах

Джейк Салливан выбрал Индию для своего последнего зарубежного визита в качестве советника по национальной безопасности. Партнёрство с Дели станет *«краеугольным камнем»* внешнеполитического наследия Джо Байдена; речь идёт о *«передаче эстафеты следующей администрации»*. Вашингтон укрепил связи с партнёрами и союзниками от Индо-Тихоокеанского региона до Восточной Азии, чтобы обуздать китайского дракона; но хаотичное президентство Дональда Трампа может нарушить эту ткань или даже – как опасаются некоторые в Дели – возродить перспективы примирения с Китаем.

Колебания находящейся в упадке сверхдержавы в любом случае станут испытанием для индийской стратегии многостороннего сотрудничества. Министр иностранных дел Субраманьям Джайшанкар учитывает это, представляя первый номер журнала *India's World*. Журнал выпускается Хаппимоном Джейкобом, основателем Совета по стратегическим и оборонным исследованиям в Нью-Дели, и редактируется Раджой Моханом, видным участником индийских стратегических дебатов. Джейкоб – профессор Школы международных исследований Университета Дж. Неру и бывший студент Мохана; он пишет, что *India's World* намерен *«на основе индийских источников интерпретировать»* новую международную роль азиатского гиганта. Оформление журнала напоминает *Foreign Affairs*, авторитетный ежемесячник американского истеблишмента. Однако Джайшанкар во введении напоминает академической элите, что нужно *«слушать улицу»*: в дискуссиях часто не хватает *«внутреннего политического пульса»*. Не менее полезными, по заявлению министра, были бы состязательные дебаты с участием различных голосов индийского общества и *«бизнес домов»*. Здесь читается отсылка к плюрализму, лежащему в основе *многовекторности*.

Редакционный замысел Джейкоба заключается в том, чтобы продемонстрировать индийские дебаты внешнему миру. Раньше взаимодействие было омрачено колониальным прошлым, когда Индии отказывали в собственном месте в *«сообществе наций»*; для Запада Индия не была *«стратегическим актором»*. Сегодня из недовольной державы на задворках глобальной политики она превращается в активную силу с чёткой и признанной ролью, и даже в Дели *«эра отрицания»*, долгий период неприсоединения, закончился. Это неизбежно повысит интерес во всём мире к индийской внешней политике.

Вступительное эссе Мохана предлагает обзор этого вопроса, начиная с концептуальных координат *многовекторности*. С экономической точки зрения, речь идёт об использовании растущей глобальной взаимозависимости Индии для превращения её в *Viksit Bharat* (развитую нацию). Экономические аспекты в сочетании с военным потенциалом, позволяющим *«вести торг»* о лучших условиях в отношениях с миром, в свою очередь, позволят *«эксплуатировать международные противоречия»* для ускорения роста.

Развитие, по-видимому, является одной из предпосылок большей эффективности стратегических отношений, но цель повысить положение Индии в международной системе требует *«эффективной навигации среди крупных держав»* в конкретной сфере их отношений. Здесь, по мнению Мохана, *«груз прошлых идеологий»* не исчез полностью; правительство *«реалистично переосмысливает старый словарь»*, пытаясь навязать *«стратегический прагматизм»*. Спротивление гибкому применению заповедей *многовекторности* рискует сочетаться с задержками в открытии доступа к международным товарам и капиталу.

Мохан был советником министра иностранных дел Индии Джасванта Сингха в правительстве Ваджпайи и премьер-министра Манмохана Сингха. На протяжении десятилетий он выступал как против иллюзорных притязаний на несбалансированные отношения с США, направленные на сдерживание Китая, так и против сохранения старых идеологических предубеждений по поводу отношений с Западом. Очень разные суждения, которые могут показаться противоречивыми, но которые вместо этого раз за разом подтверждают неизменность основного принципа *«разнонаправленного взаимодействия со всеми державами»*, именно *многовекторности*.

В начале 2000-х годов тезисы индийского аналитика были близки к гипотезе Генри Киссинджера о *«шестиполярном равновесии»* в глобальных отношениях, благодаря той роли,

которую Индия могла играть в азиатской политике США и отношениях с ведущими державами. После кризиса 2008 года эссе в американском журнале *The American Interest*, написанное Моханом, который к тому времени стал советником правительства, подтвердило это полуофициальное предложение: разделить бремя безопасности в Азии в обмен на признание роли Индии и установить между Вашингтоном и Нью-Дели отношения, напоминавшие бы отношения между Лондоном и Британской Индией.

С течением времени Мохан комментирует углубление отношений с США, Европой и Японией, часто пользуясь авторитетом источника, непосредственно участвующего в выработке дипломатической линии, но иногда и в рамках индийских стратегических дебатов, которые, как правило, более плодотворны в своём анализе, чем в реальных результатах. Эссе в *India's World* рассматривает отношения с США, Россией и Китаем через «концепцию стратегической автономии» и полезно для исследования дилемм многовекторности в кризисе порядка и перед лицом второго пришествия Трампа.

«Стратегическая автономия Индии, – резюмирует Мохан, – теперь заключается не в сохранении дистанции с США, а в снижении уязвимости перед Китаем и Россией»: в этом смысле «партнёрство» с США заняло центральное место именно для сохранения автономии. Автор критикует склонность старых течений неприсоединения низводить концепцию стратегической автономии до «антизападной идеологии», наносящей ущерб интересам развития Индии и её экономическим связям с Западом; но он также предупреждает, что Дели придётся «управлять сложными отношениями» с США, которые в настоящее время заняты формированием новой исполнительной власти.

С одной стороны, отмечает Мохан, потребуется более интенсивное участие «в американской внутренней политике», чтобы заручиться поддержкой «ключевых избирателей» против потенциальной враждебности «со стороны правительства США в данный момент». Отметим, что эта линия схожа с линией китайских течений, которые рассчитывают на интересы американских групп в Китае, чтобы повлиять на политику Вашингтона. Если это отражает реальные связи во множественных отношениях между державами, то случай Индии также может заставить применить логику баланса. Существуют течения в пользу продолжения взаимодействия с Индией даже во внешней политике Трампа, учитывая неотвратимое противостояние с Драконом. Сама история Джейка Салливана, который дебютировал в СНБ с более сдержанной «внешней политикой для среднего класса» и слился с индо-тихоокеанскими обязательствами, сформулированными Куртом Кэмпбеллом, показала это в уходящей администрации.

Другим следствием, по мнению Мохана, является развитие связей с «Европой, англосферой, Японией и Южной Кореей» для сдерживания западного лагеря. Индийские интересы требуют сближения с американской державой, чтобы уравновесить китайского претендента, но США одновременно являются гарантом старого порядка, переживающего кризис; Дели должен обратиться к комплексу старых держав, чтобы обеспечить рамки своей собственной многовекторности. Многостороннее взаимодействие Индии, согласно концепции Мохана, по своей природе динамично, поскольку зависит не от одного отношения – которое может колебаться, – а от совокупности отношений в их движении. Эта концепция может быть особенно подходящей для движения в фазе динамической модификации отношений держав, если она не остаётся просто отражением этого движения. В конечном счёте речь идёт не о наличии множества отношений – они есть у всех держав, – а об управлении ими «активно», чтобы извлечь из них максимальную пользу.

Склонность Индии обращаться к Европе, чтобы сгладить последствия американских колебаний, является остатком стратегического потенциала ЕС, который тот мог бы использовать, компенсируя своё отставание в централизации внешней политики. Однако в оценке Моханом нынешних пропорций сил подчёркивается американская устойчивость. В пересчёте на текущие доллары «Соединённые Штаты остаются самой важной державой в мире», их доля в мировом производстве остаётся почти неизменной с начала тысячелетия, в то время как рост «незападных» держав происходит почти исключительно за счёт сокращения доли Европы и Японии.

В этом аргументе слышится отголосок оценок Уолтера Рассела Мида в *Wall Street Journal*, который воспевал разрушительную способность Америки противостоять упадку, а также реалистического доклада Драги о конкурентоспособности Европы, которой бросает вызов

как Китай, так и сами Соединённые Штаты. Перед лицом неизвестных величин динамичной Америки, но в условиях односторонности Трампа, обращение к Европе не только избавляет концепцию *многовекторности* от обвинений в излишней уступчивости США, но даже может означать некоторую автономию по отношению к Вашингтону.

Отношения с Москвой и Пекином занимают оставшуюся часть дискуссии. *«Дели признаёт, что Россия, которая была важнейшим элементом в попытках Индии уравновесить Китай в период с 1960-х по 1980-е годы, не может играть эту роль в нынешних условиях, характеризующихся углублением связей Москвы с Пекином»* и разворотом китайско-российского соотношения сил в долгосрочной перспективе.

Отношения с Россией остаются крепкими в плане энергетических и военных поставок, поскольку Москва также надеется на Дели, чтобы уравновесить Китай, и, наконец, в управлении центральноазиатским балансом с Ираном, Пакистаном и другими региональными игроками; но Индия по-прежнему вынуждена *«в основном»* полагаться на Запад, чтобы уравновесить Китай.

Эссе в *India's World* обновляет видение российского вопроса в условиях войны на Украине. Напомним, как об отношениях со старым союзником говорилось в 2017 году: Индии необходимо проводить *«независимую внешнюю политику»*, чтобы реагировать на *«структурные изменения»* в динамике держав, что не оставляет места для *«сентиментальности»* в *«геополитической игре»*. Сближение Москвы с Пекином уже тогда, казалось, подрывало историческое значение индо-российского сотрудничества, восходящее к договору 1971 года, подписанному в ответ на сближение Никсона и Киссинджера с Китаем. Функции этих отношений менялись: сначала они были направлены на то, чтобы уравновесить Америку, а не Китай, и только затем главной заботой стал Пекин. Таким образом, восхождение Китая и притягивание Москвы к его орбите заставили Нью-Дели больше ориентироваться на США и Японию.

Война на Украине ещё больше укрепила китайского *«старшего партнёра»* Москвы, но она же подтолкнула русского медведя беречь связи с Индией, чтобы избежать международной изоляции и удушающих объятий Дракона; Нью-Дели, в свою очередь, не присоединился к западным санкциям против российского экспорта энергоносителей. Это, как отмечает Джейкоб в другом эссе журнала, *«континентальная»* динамика индийских отношений, которая недостаточно учитывается *«морскими»* партнёрами, США и Японией: они не стремятся признавать интерес Нью-Дели использовать связи с Москвой для баланса и участвовать в Центрально-Азиатском форуме ШОС и БРИКС вместе с Россией и Китаем.

По мнению Мохана, Россия останется важным поставщиком природных ресурсов для экономического роста Индии, но Дели придётся снизить свою многолетнюю зависимость от военных поставок. Связи с Москвой, тем не менее, останутся ключевым элементом *многовекторности*, и война, заметим, дала Индии большую свободу действий в отношениях с Россией.

Вопрос, который осталось рассмотреть – это китайский вызов. Понимание Индией многополярного мира начало меняться с утверждением Дракона в последнее десятилетие. Когда в 1990-х годах Дели вместе с Россией и Китаем взялся осуществлять проект перехода к многополярному миру, его целью было защититься от американского *однополярного момента* и опасности того, что Вашингтон будет угрожать стратегическим интересам Индии в вопросах о Пакистане и о ядерном оружии; *«когда китайская угроза стала доминировать в индийской политике»* и Дели перешёл от попыток уберечься от влияния США к сотрудничеству с Вашингтоном, *«стремление к многополярному миру превратилось в стремление к “многополярной Азии”»*.

Этот вопрос возвращает нас к формулировке Джайшанкара – *«многополярная Азия в многополярном мире»* – и проясняет отношение Индии к расширению БРИКС за счёт развивающихся стран, сперва сдержанное, а затем всё более благосклонное.

То, что Дели вновь стал претендовать на роль защитника так называемого *«Глобального Юга»*, пишет Мохан, безусловно, *«захватило политическое воображение индийского стратегического сообщества»* и вызвало *«большой энтузиазм»* в отношении идеи вернуть себе лидерство. С одной стороны, наследие колониальной и постколониальной эпохи *«кажется, ставит Индию на одну волну с Китаем и Россией»* в мобилизации *«настоящего антизападного недовольства»* среди развивающихся держав. Но, с другой стороны, из-за

баланса нынешней *многовекторности* Индия не заинтересована в том, чтобы придерживаться ревизионистских требований «*ниспровержения американского порядка*», и, хотя она выступает вместе с Китаем и Россией на многих форумах, не желает перенимать их риторику.

Ставка Нью-Дели на БРИКС и отказ превращать организацию в антизападный форум, похоже, имеет противоположный знак, а расширение показало, как новые члены, очень неохотно встающие на сторону Китая и США, могут принять индийскую линию. Отсюда и культивируемые в Дели представления о «глобальном Юге», оторванном как от Запада, так и от Востока. Образ, которому Мохан противопоставляет сотрудничество «*между Югом и Севером*», избегающее конфронтации с Западом и в любом случае ослабляющее конкурентную силу Дракона.

Как видно, отношения с Китаем меняют все направления индийской внешней политики и в конечном итоге обосновывают её трансформацию от неприсоединения к *многовекторности*. Непосредственно в отношении Дракона «*главными интересами*» Дели остаются «*мирное сосуществование и нормальные связи*», не вступающие в противоречие с нынешним «*сближением интересов*» с США. Мохан подтверждает «*приостановку*» сближения с Китаем, отложенную до тех пор, пока более уверенная в себе Индия не сможет вернуться к взаимодействию с Драконом, имея за спиной многочисленные связи с другими странами. Но это не исключает нормализации отношений в среднесрочной перспективе.

Доктрина Джайшанкара – «*задействовать США, управлять ситуацией с Китаем, развивать отношения с ЕС, успокаивать Россию, вовлечь Японию в игру, втягивать соседей*» – оставляла открытым вопрос о том, как себя вести в отношении громоздкого соседа. Тем временем в Индии растёт давление требований, по крайней мере, вновь открыть канал китайских инвестиций. Вопрос о соглашении с Пекином регулярно всплывает в диалоге между властями.

Мохан пишет: «*В Дели прекрасно понимают, что нынешнее противостояние между “коллективным Западом” под руководством США с одной стороны и Китаем и Россией с другой не является постоянным фактором международной системы*». Несмотря на риторику, и Пекин, и Москва стремятся заключать соглашения с Америкой, и исторически в обеих столицах сильны западнические элиты. Наконец, президентство Трампа само по себе не исключает возможности *сделки века* с Си Цзиньпином.

Это самый большой вызов для индийской *многовекторности*. Джейкоб пишет об этом в разделе, посвящённом внешнеполитическим *парадоксам*. Индия, растущая глобальная держава, находится в состоянии упадка на региональном уровне по сравнению с Китаем. Возвышение Дракона угрожает самовосприятию индийского «*великого государства-цивилизации*», низводя его до второстепенной державы в Азии, но в то же время развитие Индии сильно зависит от китайской экономики. Противоречие неразрывно: «*Чем больше Индия торгует с Китаем, тем больше растёт её зависимость; [...] чем меньше она торгует, тем больше она ограничивает свою способность к росту*», тем самым увеличивая разрыв с Пекином.

Индийские дебаты горячи. По мнению Мохана, значение западного капитала, рынков и технологий для роста и могущества Индии в ближайшие годы будет расти. Однако другие течения не считают, что этого направления будет достаточно, если не наладить более свободный приток новых избытков капитала из Китая. Вопрос опять же отсылает к тому, что Джайшанкар написал в «*Why Bharat Matters*» (2024) и к вопросу о том, достаточно ли капитала старых держав в сочетании с трудовыми ресурсами демографического дивиденда Индии, чтобы дать ей второй шанс «*заскочить в промышленный автобус*», который она упустила в 1990-е годы. По подсчётам *Business Standard*, флагмана открытия, для того чтобы увеличить ежегодный объём прямых иностранных инвестиций с 70 до 100 миллиардов долларов США, Дели не сможет обойтись без Китая.

В 2023 году ограничения были ужесточены, и индийские власти заблокировали вход китайских автоконцернов, желавших инвестировать в страну. В 2024 году началось контрнаступление сторонников открытости. В июле В. А. Нагесваран в правительственном «*Экономическом обзоре*» высказался за открытость для прямых китайских инвестиций; в августе *Global Times* зафиксировала робкие шаги в направлении открытости со стороны групп электроники Luxshare и Huaqin; в сентябре настала очередь министра Джайшанкара

заявить о том, что Индия «не закрыта» для Китая: «Вопрос в том, в каких секторах и на каких условиях».

Нирмала Ситхараман, министр финансов, подвела итог в октябре: «Мы хотим инвестиций, но нам также нужны гарантии». В ноябре Б.В.Р. Субраманьям, глава правительственного агентства NITI Aayog, выступил за возвращение Индии в азиатское торговое соглашение ВРЭП, от которого отказались из-за опасений открытого рынка с Китаем. Наконец, в декабре Арвинд Панагария, председатель 16-й Финансовой комиссии, которая регулирует отношения между центром и штатами, предложил компромисс: ограничить китайские инвестиции только в некоторых чувствительных секторах и открыть остальные.

По мнению *Times of India*, Дели может взять на вооружение американскую модель «маленького заднего двора с высокими заборами». По мнению *Hindustan Times*, правительство готовится разрешить китайским группам миноритарные совместные предприятия. И наконец, *Business Standard* выступает за *многовекторность* на фронте капиталов.

Виджай Гокале, экс-министр иностранных дел в правительстве Моди и бывший посол в Германии и Китае, призывает к более «сглаженной» политике в отношении китайского капитала, но предупреждает, что Пекин попытается «скрытно» включить Индию в свою цепочку поставок, отказывая ей в критически важных технологиях и материалах «с целью задержать её усилия по «индидженизации», то есть автономному развитию. Гокале – знаток китайских дипломатических возможностей и один из самых осторожных голосов в дискуссии об открытости. В книге *“The Long Game”* (2021) он описывает методы, используемые Пекином в ходе крупных двусторонних переговоров с Индией.

Тщательная подготовка каждого аспекта переговоров, как сути, так и протокола, является неотъемлемой частью китайской школы. Детальное знание предмета; тщательное изучение документации о предыдущих взаимодействиях по нему, включая государственные архивы других стран; анализ чужих дебатов по этому вопросу; зондирование по дипломатическим каналам и попытка выяснить ожидания противника на переговорах; сбор личной информации о ключевых участниках переговоров: всё это служит цели определить возможные точки сближения и расхождения до начала каждого переговоров, выбрать тон переговоров и диктовать повестку дня, контролировать направление переговоров и темы для обсуждения.

За тщательной подготовкой следует умелая тактика: это и просьбы об односторонних уступках в качестве благоприятного жеста для открытия переговоров, и использование китайской и иностранной прессы для влияния на них, и создание новых препятствий, которые впоследствии будут устранены в обмен на уступки. Гокале описывает театральность китайских переговорщиков, но предлагает внимательно следить за их риторикой, чтобы уловить её вариации.

Далее следует репертуар дипломатических приёмов: искусно изученное использование английского языка и переводчиков; стремление установить иерархические отношения с собеседником, например, напомнив Индии о составе Совета Безопасности ООН; обращение к эмоциям и вежливости, манипулирование гостеприимством, озвучивание предварительных принципов, чтобы сдержать переговоры и сделать переговорщиков нетерпеливыми, запугивание страхом провала переговоров, разделение переговоров на множество частей, чтобы получить наибольшее количество уступок на каждом этапе, настойчивый отказ, чтобы оценить, насколько далеко готов зайти собеседник, использование терпения против спешки, запись неофициальных переговоров через переводчиков и другие уловки. Даже в случае неудачи эти тактики всё равно внушают другой стороне страх остаться одураченной мастерством многовековой дипломатии. Психологическому аспекту переговоров придаётся большое значение.

Китайская делегация напомнит о «столетии унижений» со стороны колониальных держав, чтобы вызвать сочувствие Индии, но при этом предположит, что законное восхождение Китая сдерживается «американскими империалистами», чтобы намекнуть на индийскую политику баланса, унаследованную у британских империалистов; сегодня Нью-Дели ближе к Вашингтону, чем к Пекину. Именно так, это и есть *многовекторность*.

В *India Today* Гокале переворачивает парадокс зависимости: «Сильный коммерческий интерес Китая в проникновении на индийский рынок должен быть использован для передачи

технологий. Китаю нужен растущий рынок Индии, чтобы стать ведущей державой [...]. Путь к индийскому рынку лежит через взаимную выгоду». Похоже, посол хочет подсказать аргументы для жёстких переговоров, которые укрепили бы китайское направление индийской многовекторности. Фоном, однако, остаётся подвешенным новый вопрос: если в послевоенный период предотвращение слияния промышленного потенциала Японии с демографической массой азиатского континента было константой американской политики в этом регионе и объективным содержанием войны во Вьетнаме, то какие последствия имело бы сегодня слияние демографической массы Индии и китайского капитала?

Январь 2025 г.